Динисламова С. С.

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск

Мотивы народного эпоса в «Языческой поэме» Ю. Шесталова

Motives of the national epos in «The Pagan Poem» of Y. Shestalov

УДК 82-3=511.143 ; 39

Аннотация. В 1970-е годы мансийский поэт Юван Шесталов продолжает писать стихи на родном языке, которые постепенно складываются в поэму «Нюлы эрыг» (букв. «Заклинательная песня»). На русском языке данная поэма вышла под названием «Языческая поэма» (1971). По жанровым особенностям и по идейно-художественному содержанию «Языческая поэма» стоит как бы на стыке народного эпоса и национальной литературы, она неразрывно связана с фольклорной традицией, со всем предшествующим эстетическим опытом народа. Подобно героическим сказаниям, героическим песням – тэрнинг эрыг, рассказам и преданиям – потыр, йис-потыр, в своем творчестве Ю. Шесталов сумел отразить исторический путь, пройденный народом, присущий ему склад мышления, его заботы и радости, его испытания и борьбу (нравственную) за лучшее будущее.

Summary. In 1970 Mansi poet Yuvan Shestalov continues to write poems in a native language which gradually develop into the poem «Nyuli Erig» (close interpretation «Invocation Song»). In Russian language this poem was published as «The Pagan Poem». On genre features and its idea and art maintenance «The Pagan Poem» is on a joint of the national epos and the national literature, it inseparably linked with folklore tradition, with all previous esthetic experience of the people. Like heroic legends, heroic songs (terning erig), stories and legends (potir, yis-potir) in his creative work Y. Shestalov could reflect the historical way of the people, cast of mind, its cares and pleasure, its ordeals and struggle (moral) for the best future.

Ключевые слова: манси, «Языческая поэма», Шесталов, эпос, традиция, сказания, предания, песня, идол, «дума медвежьей головы».

Key words: mansi, «The Pagan Poem», Shestalov, epos, tradition, legends, song, idol, «thought of the bear head».

Понятие мотива было впервые теоретически обосновано в «Поэтике сюжетов» А. Н. Веселовского. Ученого интересовала повторяемость мотивов в повествовательных жанрах разных народов. Он отмечал склонность великих поэтов с помощью «гениального поэтического инстинкта» использовать сюжеты и мотивы, уже подвергшиеся однажды поэтической обработке. «Они где-то в глухой темной области нашего сознания, как многое испытанное и пережитое, видимо, забытое и вдруг поражающее нас, как непонятное откровение, как новизна и вместе с тем старина, в которой мы не даем себе отчета, потому, что часто не в состоянии определить сущности того психического акта, который негаданно обновил в нас старые воспоминания» [1, 70].

«Обновление старых воспоминаний» свойственно творчеству мансийского писателя Ювана Шесталова. Подобно героическим сказаниям, героическим песням – *тэрнинг эрыг*, рассказам и преданиям – *потыр, йис-потыр*, в своем творчестве он сумел отразить исторический путь, пройденный народом, присущий ему склад мышления, его заботы и радости, его испытания и борьбу (нравственную) за лучшее будущее.

Е. И. Ромбандеева отмечает, что часть народного эпоса «относится к обрядовым произведениям, другие сказываются, как воспоминания о прошлом предков. Это делается иногда на медвежьем празднике. Они, не называя точные даты, отражают исторически реальное прошлое существовавших некогда лиц; воспоминания о них, жизненный опыт их и наблюдения передаются в виде типических образов, которые, как справедливо отмечает «Эстонский фольклор» (1980, с. 273), «с целью их заострения дополнительно наделяются и фантастическими штрихами» [2, 25].

Эти «фантастические штрихи» как раз и придают фольклорным произведениям художественность. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в любые века у всех народов, помимо (просто) повествователей, были и поэты устной литературы. Оттачиваемые ими в каждом последующем поколении героические произведения донесли до нас всю красоту и великолепие искусства древнего слова. Язык таких произведений «старый, цветистый и образный» [3, 25]. В мансийском эпосе изобилуют эпитеты, поэтические тропы, фигуры; часто повторяются однозвучные и близкие по смыслу слова, выражения или даже целые фразы. Все эти художественно-изобразительные особенности преемственно перешли в поэтическую традицию мансийской письменной литературы, и в частности, в творчество Ю. Шесталова. Духовный мир писателя сумел понять и вместить в себя все богатство народного эпоса, и его творческая индивидуальность состоит в гармоничном переплетении двух культурно-исторических традиций: национальной, уходящей корнями в древние пласты человеческой культуры и современной литературно-письменной.

Интерес к народному наследию особенно ярко стал проявляться у Ю. Шесталова в 1970-е годы. В эти годы поэт продолжает писать стихи на родном языке, которые постепенно складываются в поэму «Нюлы эрыг» (букв. «Заклинательная песня»). На русском языке она вышла под названием «Языческая поэма» (1971).

«Языческой поэме» критика дала высочайшие оценки. Так Ю. Прокушева поэма покорила «поэтической дерзостью», наполненностью стихотворений «глубокой, нескрываемой авторской иронией», смелым обращением к «богатейшим сокровищам древних мансийских сказаний, легенд, песен». По определению критика, «Языческая поэма» – «одно из выдающихся произведений советской многонациональной литературы, одна из лучших современных поэм, книга богатейшей художественной смелости» [4, 193].

М. Г. Воскобойников отмечает, что «Языческая поэма» – пример того, какие богатейшие возможности открыло прошлое перед поэтом. Многие песни в поэме созданы на основе народных преданий, они воссоздают историческое прошлое [5, 182]. В. Солоухин, подчеркивая значимость произведения, пишет, что завтрашний школьник будет обязательно изучать поэму Ю. Шесталова одновременно с «Песней о Гайавате». При этом В. Солоухин считает, что «вровень с такими главами Юваповой поэмы, как «Песня глухаря», «Песня осетра», «Песня соболя», как «Пятая дума медвежьей головы», могут встать только самые лучшие главы из поэмы Лонгфелло» [6, 146]. Отметим, что в отличие от «Песни о Гайавате» у поэта-манси древняя мифологическая система выполняет все-таки подчиненные функции, а определяющую роль играет литературная система советского времени. Идея поэмы и ее общая настроенность, как и эпических произведений прошлого, заключается в стремлении пробудить самосознание, патриотический дух родного народа, вселить в него веру в лучшее, более справедливое будущее. Конечно же, не все стихотворения поэмы соответствуют канонам соцрелизма. Например, «думами» медвежьей головы, на основе смелых интерпретаций, Ю. Шесталов приглашает читателя заглянуть в глубинные пласты культурных традиций народа манси. Масштаб этого раздела удивляет всплеском фантазий поэта.

В целом «Языческая поэма» состоит из восьми песен и начинается предисловием – «Слово перед дальней дорогой». Первыми строками: «Я проснулся… А в окошко золотым оленем заглядывает солнце. Из дверей золотой птицей летит солнце. Два веселых солнца сверкнули из дощатой будки — два собачьих глаза, и я бегу на их зов. Я бегу к реке. Там золотым язем плещется солнце!» [7, 61] поэт задает произведению яркий мажорный аккорд. Счастливое утро новой жизни «родной земли» — новая сказка. Но на пути к новой жизни поэта мучают сомнения. В стихотворении «Черное море», сверяя чувства с «изменчивым» морем, он пытается понять себя: «а может, и вправду ты хитрее меня, / Мудрее меня, колдовистее меня / и любого человека на земле?» [7, 64], «Кто ты, море? / Откройся! / Я не знал тебя, / Как не знаю до конца самого себя…» [7, 65]. Поэта притягивает новая жизнь, но он одинок в своем начинании и поэтому мир кажется ему чересчур сложным. «Взобравшись» на очередную вершину творчества, Ю. Шесталов осознает, что стоит пока еще «на скользких камнях», возможно, его «враги» лишь на мгновенье подарили ему этот «высокий покой». За свои сомнения он просит прощения у прадедов, раскрывая тем самым нелегкий путь в утверждении своей творческой позиции: «О праде-

ды, вы мне простите, / Что вижу не только зверье / И жадные рты идолов / Не мажу жертвенной кровью. / Отсюда я что-то вижу, / И сердце о чем-то болит» [7, 70].

В первой песне поэмы содержатся одновременно элементы «*хум эрыг*» –«мужская песня – автобиография» и элементы традиционной героической песни – «*тэрнинг эрыг*». Ю. Шесталов представляет поэтическую автобиографию лирического героя. Она начинается с детства. Солнечное утро нового дня стало его песней «пробуждения». Символом пробуждения является «большое имя Ленин» [7, 73] – воплощение надежд родного народа. Большинство стихотворений посвящено матери.

Вторая песня поэмы – это художественная реконструкция целого комплекса театральных действ, преданий, связанных с «медвежьим праздником». Поэт, перевоплощаясь в охотника, мастерски передает его мироощущения. Но вот он перевоплощается в «медвежью голову» и ведет монолог от имени «головы», восседающей на столе. Часто выходит на обобщения: «Я не пойму людей, / Мне их поступки странны: / Зачем душе моей / Они наносят раны?» [7, 110], и тогда монолог идет и от имени медвежьей головы, и от себя или о себе. Думы «головы» раскрывают внутреннее переживание поэта. В последнем монологе слились воедино и упрек людям, и трагедия чувств, и смирение:

<…> Ночь — к рассвету. Я не сплю,
Думу думаю свою…
Обескровлен я, бессилен,
Но глаза мои глядят:
<…> Я сижу, молчу как рыба,
Никого я не корю,
Людям, в мыслях, «пумасипа!»
Я сегодня говорю,
Людям, что в последнем сне
Не мешают думать мне [7, 128-129].

Во второй песне поется о «священном звере» – медведе, умоляющем своего отца Нуми-Торума отпустить его «на счастливую землю, где живут веселые люди!». Нуми-Торум исполняет просьбу сына. Это одна из мансийских легенд о происхождении медведя. Ю. Шесталов реконструирует ее по форме, значительно сокращает количество повторов и параллелизмов, сохранив при этом содержание.

Третья песня поэмы – песня любви. Для влюбленного-манси мир русской культуры давно стал своим, возлюбленная – русская девушка. Без нее он «как олень без моха», его сердце бьется, как вытащенный из воды язь, трепещет осиновым листком. Вместе они – «рыжие лисенята на синем лугу небес». Традиционный жанр песни любви, сказка и современность в стихотворениях легко сочетаются: «Ах, Миснэ, Миснэ! / Если долгим взглядом / Пронизывать лесные терема, / В конце концов покажется, что рядом / Она бежит за поездом сама» [7, 140].

В третье песне сказка и современность также легко и естественно сочетаются. В песнях есть элементы традиционной любовной песни, они реалистичны и конкретны в деталях, личностны, обращены «в глубь» души.

Четвертая песня, построенная в жанре традиционной песни-плача (плачет идол), переплетается с героической песней созидателя новой жизни. Бульдозерист разрушает капище. «Ледяная земля проснулась от вековой спячки». Мысли и чувства героя сформированы советской действительностью, но он «способен» еще слышать плач идола:

Я идол!
Я умираю.
Но опасность моего рождения
Таится в вас самих [7, 165].

В стихотворении «Идол» иносказательный смысл наделяет монолог выброшенного и осмеянного идола голосом древности:

…Для вас я был самым могучим, великим.
Я ходил в подземелье,
Где лишь мамонт ползает

И злой дух Куль бродит.
Я плавал там,
Где водяной Виткась плавал.
Лишь я мог быть рядом с Небом и чертом…
Да, я – деревянный идол!
Вы – идолопоклонники! [7, 157].

Идол – символ языческой веры народа; идолопоклонники – те, для кого жива еще вера; Куль – дух нижнего мира, несущий людям неприятности и болезни, страх и сомнения; Виткась – животное, обитавшее в воде во «времена» мамонтов также несет боязнь и страх. Идол может «быть рядом с Небом и чертом». Возвеличиванием своих «возможностей» он призывает людей к смирению.

На основе иносказательности Ю. Шесталов наделяет особой значимостью мифический образ и сам миф. Он находит смелые художественные решения, что говорит о его основательных связях с прошлым.

В пятой песне поэмы Ю. Шесталов поэтизирует труд покорителей природы Севера. Труд вышкомонтажника Литовченко напомнил ему театр – поднебесный дом с электрическими кострами, а дирижер оркестра – шаман. Палочка в его руках пляшет – и поет оркестр голосами птиц и животных. Поэтизация труда нефтяников и газовиков часто становилась предметом подобных высказываний: «К сожалению, газ и нефть Югорской земли принесли много бед и горя коренным народам, а не радости. И пафос Ю. Шесталова, традиционный для социалистического реализма, сегодня явный анахронизм…» [8, 94]. Считаем, что пафос был свойственен времени. В советской поэзии произведения И. Заболоцкого, А. Твардовского, Р. Гамзатова, Э. Межелайтиса поддерживали в людях гражданскую активность. Поэта-манси радуют большие, преобразовательные перемены на родине. Ведущим качеством его произведений также является насыщенность острой, гражданской, философской мыслью, но она осмыслена в особом, национальном аспекте. Это сказывается и в повороте темы, и в отборе разных образных средств, и это придает его размышлениям особенную прелесть и убедительность:

Пусть же крик лесной души,
Что звучит в тайге от века,
В вас разбудит Человека.
***
Стоит глаза распахнуть –
Ворвется вселенная яростно в грудь.
***
Россия мне и ум, и силу,
И кровь, и сытый хлеб дала.

В пятой песне поэмы стихотворение «Песня последнего лебедя» начинается прозаическими строками: «Весной на лесное озеро прилетал один лебедь. В небе веселились другие птицы – самолеты. И уток стало мало! Раньше охотники любовались лебедями. А этот лебедь плакал. Его плач и записал я…» [7, 170]. Поэт слышит страдание природы, чувствует приближение экологических катастроф. Гул самолета оглушает лебедя. Призыв поэта к людям: «Берегите белые мои озера, / Ибо / Почернеет небо без белых лебедей, / Почернеют ночи без белых лебедей…» [7, 172].

Стихотворение «Песня последнего лебедя» – призыв к сохранению природы. Лебедь у поэта не только белая птица, но и старинный музыкальный инструмент – нежноголосый лебедь:

А когда-то
Манси трогали пальцами
Струны моей души
И называли свою деревянную птицу
Нежноголосым лебедем…
Что глазеете, вы, как в музее,
На мое одиночество?! [7, 171].

Сравнение лебедя-птицы со старинным музыкальным инструментом («тарыг» «лебедь») Ю. Шесталову также необходимо для связи настоящего и прошлого.

В прошлое обращена и шестая песня «Языческой поэмы». Она представляет синтез двух песен: Юлиана – венгерского монаха-странника и Ювана – современного певца счастливой жизни родного народа. В мансийском тексте стихотворения лирический герой представляет себя в образе богатыря Отыра, «пребывающего на небесах». Он признается, что не знал имя Юлиана, точно так же, как не мог видеть солнца, когда его скрывают тучи, не знал до той поры, пока мансийским взглядом не оглядел космос. Данными сравнениями поэт раскрывает познания героя – познав земную жизнь, он возносится на небеса. Автор хорошо знает историю. Он охватывает промежуток времени в тысячу лет и осмысливает историю своего народа, раскрывает читателю увлекательные картины былых веков – хозяйственный уклад, жизнь древних людей в неприступных крепостях. Шестая песня содержит в себе элементы героического сказания и героической песни.

В седьмой песне герой берет в руки древний громкоговорящий бубен из гладкой оленьей кожи, ударяет колотушкой – черной лапой гагары и поет песню, которая должна разбудить все человечество. Поэта волнует не только судьба родного народа, России, он полон тревожных раздумий о судьбе всего мира. Его боль о событиях во Вьетнаме: «В груди моей болит Вьетнама рана. / Ужель ты можешь к боли притерпеться, / Мансийское мое лесное сердце?!» [7, 205]. Своим словом поэт пытается повлиять на агрессоров. Его песня звучит шаманским заклинанием: «Дважды в бубен громкопоющий / Бью я заветною колотушкой. / Убийц родившие Громады-города! / Ужели ваши каменные лица / Еще не покраснели от стыда? Ужель и вы такие же убийцы?! / Кара-юйя!» [7, 207], или:

Я – певец глухариных урманов,
Я – шаман зацветающей тундры,
Сын Луны и племянник Солнца,
Заклинатель неправды и злобы,
Юван с Сосьвы – Реки Горностаев… [7, 200].

В заключительной восьмой песне герой – наш современник. В прошлом его интересует происхождение древнего народа. По его версии, ханты и манси – прямые наследники хунгарской культуры сыпыров, от имени которых и произошло название «Сибирь»:

Сыпыры – а названы Югры –
По свету тебя понесли.
Сыпыры – хунгарской культуры.
Сыпыры – с остяцкой земли.

Прапрадеды ханты и манси
Лепили столицу Искер,
С востока пришли иностранцы –
Из южных степей и пещер [7, 227].

Поэт пытается «расщепить, разделить на лету / на тяжелые вещества» слово «Сибирь» для того, чтобы узнать тайну своего народа [7, 225]. В этом стремлении также проявляется его сыновняя любовь к родине.

Обращение к прошлому Ю. Шесталову необходимо для созидания: «О, янтарная капля веков, я подожгу тебя вдохновением, и ты осветишь мои стихи» [7, 226]. Так поэт раскрывает свой творческий поиск. А строки «Таежной думы» навеяны религиозно-философским размышлениями:

Земля моя кружится – и я кружусь.
Солнце повернется – и я повернусь.

Лижут планету и тень, и свет,
Кружатся заботы, как хмель в голове.

По поднебесью гагарой лечу.

Толщу воды осетром строчу.

Смело шагаю с каменных стен
В космос за тайной мансийских легенд.

Верхнее небо – космический дым.
Жив ли ты, бог наш – Нуми-Торум?

Нижнее небо – подземная тьма.
Куль там коварный не спятил с ума? [7, 215].

В. Огрызко справедливо отметил: «… не здесь ли надо искать истоки некоего космического сознания, которое мансийский поэт начнет яростно проповедовать уже в 1990-е годы» [9, 209]. Действительно, с таких размышлений и начинались новые устремления поэта, обращенные теме космического сознания.

В целом, «Языческая поэма» и по жанровым особенностям, и по идейно-художественному содержанию стоит как бы на стыке народного эпоса и национальной литературы, она неразрывно связана с фольклорной традицией, со всем предшествующим эстетическим опытом народа. М. Ф. Пахомова называет ее «эпосом нового времени», генетически родственным с «младописьменным романом» [10, 18]. В. Солоухин увидел в лице Ю. Шесталова поэта, вобравшего «в себя все те духовные ценности, эмоциональные, поэтические драгоценности, что были накоплены за века, и на протянутых ладонях» показаны другим «большим и малым народам» [11, 146]. Добавим, что сказки и мифы показаны в творчестве Ю. Шесталова как прямым переложением текстов, так и на основе коренной трансформации традиционных жанровых структур, точным обозначением древних образов и событий современными словами. Например, синонимами языческого «идола» у Ю. Шесталова стали «дух», «вождь», «бог». С мифологической Миснэ сравнивается образ любимой девушки, матери, родины.

Взаимодействие литературы и фольклора формирует стиль писателя. Лиризм, поэтический настрой создает особую авторскую манеру повествования, также идущую от фольклорной традиции. У народа манси каждый жанр устного народного творчества имеет свой художественный стиль изложения и исполнения, которые строго регламентированы обычаями. Некоторые жанры фольклора включают в себя и прозаическую речь, и лирическую песню.

У Ю. Шесталова в «Языческой поэме» одни стихотворения «поются», другие «рассказываются». «Песенность» поэзии Шесталова подтверждает и высказывание А. Пошатаевой: «Стихи и поэмы свои он пел. Надо слышать, как звучат стихи в его исполнении. Как песня!» [12, 103]. И действительно, разве можно иначе представить звучание «Песни, упавшей с неба» или «Песни журавля» из второй части «Языческой поэмы». К песенному исполнению располагает насыщенность произведений фольклорными изобразительно-художественными средствами, содержание и ритм безрифменного текста, созданного благодаря повторам.

В целом же, в «Языческой поэме» постоянно звучат мотивы народного эпоса. Во-первых, это отражение «далекой и близкой» истории своего народа, во-вторых, Ю. Шесталов раскрывает духовную культуру одного из северных этносов – манси, его мировоззрение и традиции.

Подчеркивая значение «Языческой поэмы» в творческой биографии поэта, отметим, что поэма – это принципиально новый тип художественности, главная особенность художественной системы в ней – ее творческое переосмысление. Автор – человек с иным сознанием. Он «говорит» по-новому, по-современному, но ритуальные действия описывает ярко и колоритно. Учитывая, что сам ритуал является жестовой формой мифа, в «Языческой поэме» очевидна связь с мифологией. В целом, в поэме не утеряно древнее звучание. В каждом стихотворении живет «седая история», с помощью которой Ю. Шесталов основательно и самобытно познает бытие. Мы видим, что писателю-манси на основе интенсивных созидательных поисков в области взаимодействия литературы и фольклора удалось создать самобытное, индивидуально-неповторимое творчество, которое не перестает притягивать к себе и читателя, и критика.

Литература

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 400 с.
2. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: «Северный дом», 1993. 116 с.
3. Баландин А. Н. Язык мансийской сказки. Л., изд-во Главсевморпути, 1939. 80 с.
4. Прокушев Ю. Даль памяти народной. М.: Молодая гвардия, 1978. 194 с.
5. Воскобойников М. Г. О «Таежной поэме» Ю. Шесталова // Сибирские огни. 1971. № 7. С. 182-183.
6. Солоухин В. А. Внук шамана // Ю. Шесталов. Собрание сочинений. СПб.–Ханты-Мансийск, 1997. Т. 2. С. 146.
7. Шесталов Ю. Н. Собрание сочинений. СПб.–Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т. 1. 480 с.
8. Лебедев В. Н. Мани. Очерк истории литературы. Тобольск, 1995. 105 с.
9. Огрызко В. В. После потрясений // Мансийская литература / сост. В. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 205-214.
10. Пахомова М. Ф. Эпос молодых литератур. Л., 1977. С. 18-20.
11. Солоухин В. Слово живое и мертвое. М., 1976. С. 143-149.
12. Пошатаева А. В. Проза Ювана Шесталова // Полярная звезда. 1983. № 3. С. 103-110.